
Станислав Лем
4

Путешествие двадцать второе
Станислав Лем

Станислав Лем. Путешествие двадцать второе

Станислав Лем
Путешествие двадцать второе

Сейчас я очень занят: привожу в порядок редкости, которые привез из своих путешествий в самые отдаленные уголки Вселенной. Я уже давно решил передать эту единственную в своем роде коллекцию в музей: позавчера хранитель музея сообщил мне, что подготавливает для этого специальный зал.

Не все экспонаты мне одинаково дороги: одни пробуждают приятные воспоминания, другие напоминают о зловещих, мрачных происшествиях, но все они в равной мере являются свидетельством подлинности моих путешествий.

К экспонатам, воскрешающим особенно яркие воспоминания, относится помещенный на маленькой подушечке под колпаком совершенно здоровый зуб с двумя большими корнями; я сломал его на приеме у Октопуса, повелителя мемногов с планеты Уртама; там подавали превосходные, но слишком твердые кушанья.

Такое же почетное место в собрании занимает трубка, расколотая на две неравные части; она выпала у меня из ракеты, когда я пролетал над каменистой планетой в созвездии Пегаса. Я не мог смириться с потерей и потратил полтора дня на поиски, блуждая над пропастями скалистого мира.

Немного дальше в маленькой коробочке лежит камешек чуть крупнее горошины. Его история весьма своеобразна. Когда я отправился на Герузию, отдаленную звезду в двойной туманности NAC 887, я несколько переоценил своя силы; путешествие длилось так долго, что я чуть не отступил; особенно мучила меня тоска по Земле, и я себе места не находил в ракете. Бог знает, бы это кончилось, если бы на двести шестьдесят восьмой день путешествия я вдруг не почувствовал, что в левом ботинке что-то мешает, я снял его и со слезами на глазах вытряхнул из носка камешек, крохотный обломок настоящего земного гравия — очевидно, он попал в носок еще на космодроме. Прижимая к груди этот крохотный, но такой близкий кусочек родной планеты, я воодушевился и долетел до цели; эта реликвия мне особенно дорога.

Неподалеку на бархатной подушечке покоится обыкновенный желто-розовый кирпич из обожженной глины, немного потрескавшийся и выкрошенный с одной стороны; если бы не счастливое стечение обстоятельств и не моя находчивость, из-за этого кирпича я бы уже никогда не вернулся из экспедиции в туманность Гончих Псов. Я привык брать его в путешествия в

наиболее холодные районы космоса; у меня была привычка на некоторое время совать его в атомный двигатель, чтобы потом, когда он как следует нагреется, положить в постель перед сном. В верхнем левом квадранте Млечного Пути, там, где звездное облако Ориона соединяется с созвездием Стрельца, я был свидетелем столкновения двух огромных метеоров. Зрелище огненного взрыва в темноте так меня взволновало, что я схватил полотенце, чтобы вытереть лоб. Я совсем забыл, что перед этим завернул в полотенце кирпич, и, взмахнув рукой, чуть не проломил себе череп. К счастью, у меня великолепная реакция.

Рядом с кирпичом стоит небольшая деревянная шкатулка, в ней лежит перочинный нож, мой товарищ по многочисленным экспедициям. О том, насколько я к нему привязан, свидетельствует история, которую я расскажу, поскольку она действительно того заслуживает.

Я покинул Сателлину в два часа пополудни с ужасным насморком. Местный лекарь, к которому я обратился, прописал мне отсечение носа, операцию, для аборигенов привычную, поскольку носы у них отрастают, как у нас ногти. Обиженный этим предложением, я прямо от лекаря отправился на космодром, чтобы полететь в

те области неба, где медицина развита лучше. Путешествие было неудачным. Уже в самом начале, когда я удалился от планеты всего на 900 тысяч километров, я услышал сигнал вызова какой-то ракеты и запросил по радио, кто меня вызывает. В ответ раздался тот же самый вопрос.

— Скажи ты первый! — буркнул я довольно резко, раздраженный невежливостью чужака.

— Скажи ты первый! — ответил он.

Это передразнивание очень рассердило меня, и я откровенно сообщил ему, что я думаю о его наглости. Он в долгу не остался. Мы начали ругаться все ожесточеннее, пока спустя некоторое время, возмущенный до предела, я не догадался, что никакой другой ракеты нет, а голос, который я слышу, — просто эхо моих собственных радиосигналов, отражающихся от поверхности луны Сателлины, мимо которой я как раз пролетал. До сих пор я не замечал ее, потому что она была обращена ко мне своим ночным темным полушарием.

Немного позже, намереваясь очистить себе яблоко, я обнаружил, что потерял перочинный ножик. Я сразу же вспомнил, где держал его в последний раз, — это было в буфете на сателлинском космодроме; я положил ноги на наклонную

стойку, и он, наверное, соскользнул на пол. Я представил себе все это так отчетливо, что мог найти его с закрытыми глазами. Я повернул обратно и только тут понял, в каком затруднительном положении оказался: все небо кишело подмигивающими огоньками, и я не знал, где искать Сателлину. Она является одним из 1480 миров, обращающихся вокруг солнца Эрипелазы. Большинство этих миров имеет к тому же по нескольку лун, крупных, как планеты, что еще больше затрудняет ориентацию. Обеспокоенный, я пытался вызвать Сателлину по радио. Мне ответило несколько десятков станций, так что получилась ужасная какофония; вы должны знать, что обитатели системы Эрипелазы столь же вежливы, сколь и безалаберны, и присвоили название «Сателлина», пожалуй, 200 различным планетам. Я смотрел в окно на мириады крохотных огоньков; на одном из них находился мой перочинный ножик, но легче было бы найти иголку в стоге сена, чем нужную планету в этом звездном муравейнике. В конце концов я отдался на волю случая и помчался к планете, которая находилась прямо по носу.

Через четверть часа я уже опустился на космодром. Он был точно такой же, как тот, с которого я

недавно вылетел, и, обрадовавшись, что мне так повезло, я направился прямо в буфет. Но каково же было мое разочарование, когда, несмотря на самые тщательные поиски, я не нашел ножика. Поразмыслив, я пришел к выводу, что либо его кто-нибудь уже забрал, либо я нахожусь на совершенно другой планете. Расспросив туземцев, я убедился, что правильным было второе предположение. Я находился на Андригоне, ветхой, рассыпающейся планете, которую давно уже следовало изъять из обращения, но до нее никому нет дела, так как она лежит в стороне от главных ракетных трасс. В порту меня спросили, какую Сателлину я ищу, ибо планеты эти пронумерованы. Я оказался в тупике, нужный номер вылетел у меня из головы. Тем временем, уведомленные космодромным начальством, в порт прибыли местные власти, чтобы торжественно меня приветствовать.

Это был большой день для андригонов: во всех школах проходили экзамены на аттестат зрелости. Один из представителей власти спросил, не желаю ли я своим присутствием придать экзаменам особую торжественность. Поскольку меня приняли чрезвычайно гостеприимно, я не мог отказать в этой просьбе. Таким образом,

прямо с космодрома мы поехали на пидлаке (это большие безногие пресмыкающиеся, похожие на змей, которые широко используются здесь для верховой езды) в город. Представив меня многочисленной молодежи и учителям как уважаемого гостя с планеты Земля, представитель власти покинул зал. Учителя усадили меня на почетном месте у жрава (разновидность стола), после чего прерванный экзамен продолжался. Ученики, возбужденные моим присутствием, сначала смущенно запинались, но я ободрял их сердечной улыбкой, иногда подсказывал кому-нибудь нужное слово, так что вскоре лед был сломан. В конце все отвечали гораздо лучше. Но вот перед комиссией предстал молодой андригон, обросший такими прелестными здрыгами (род устриц, используемых как одежда), каких я давно не видел, и начал отвечать на вопроса с несравненным красноречием и выразительностью. Я слушал его с удовольствием, отметив, что уровень науки здесь весьма высок.

Но вот экзаменатор спросил:

— Можете ли вы доказать, почему жизнь на Земле невозможна?

Изящно поклонившись, юноша приступил к исчерпывающим, логически построенным

рассуждениям, в которых неоспоримо доказал, что большую часть Земли покрывают холодные, Чрезвычайно глубокие воды, температура которых около нуля из-за постоянно плавающих ледяных гор; что не только полюсы, но и окружающие их пространства — это районы жестоких вечных холодов и что в течение полугода там царит вечная ночь; что, как это отлично видно в астрономические приборы, сушу, даже в областях с более теплым климатом, несколько месяцев в году покрывает замерзший водяной пар, так называемый снег, толстым слоем лежащий на горах и в низинах; что большая Луна Земли создает на ней приливные и отливные волны, имеющие уничтожающее эрозионное действие; что с помощью мощнейших зрительных приборов можно увидеть, как часто огромные пространства планеты тонут в полумраке, вызванном облачным покровом; что в атмосфере возникают страшные циклоны, тайфуны и бури и что все это вместе взятое полностью исключает возможность существования жизни в каких бы то ни. было формах. Если же, закончил звучным голосом молодой андригон, какие-нибудь существа попытались бы высадиться на Земле, они неминуемо погибли бы, сокрушенные огромным давлением тамошней

атмосферы, которое на уровне моря Составляет один килограмм на квадратный сантиметр, или 760 миллиметров ртутного столба.

Такой исчерпывающий ответ вызвал полное одобрение комиссии. Застыв от изумления, я некоторое время сидел без движения и только, когда экзаменатор уже переходил к следующему вопросу, воскликнул:

— Простите меня, достойные андригоны, но… Но я как раз родом с Земли; не сомневаетесь же вы, что я живой, и вы слышали, как меня вам представляли…

Воцарилось неловкое молчание. Учителя были глубоко задеты моим бестактным выступлением и едва сдерживались; молодежь, которая еще не умеет скрывать своих чувств так хорошо, как взрослые люди, смотрела на меня с явной неприязнью. Наконец экзаменатор холодно сказал:

— Извини нас, пришелец, но не слишком ли большие требования ты предъявляешь нашему гостеприимству? Разве мало тебе торжественного приема, банкета и знаков уважения? Разве ты не удовлетворен приглашением к высокой экзаменационной жраве? Тебе этого мало, и ты домогаешься, чтобы мы сознательно, ради тебя изменили… школьную программу?!

— Но… Земля действительно обитаема… — выдавил я, смешавшись.

— Если бы это было правдой, — сказал экзаменатор, глядя на меня так, словно я был прозрачный, — это являлось бы нарушением законов природы.

Я счел его слова оскорблением моей родной планеты, поэтому, не простившись ни с кем, немедленно вышел, сел на первого попавшегося пидлака, поехал на космодром и, отряхнув прах Андригоны с ног своих, вылетел на дальнейшие поиски ножика.

Таким образом я садился поочередно на пяти планетах группы Линденблада, на планетах стереотропов и мелацианн, на семи больших телах планетного семейства солнца Кассиопеи, посетил Остерилию, Аверанцию, Мелтонию, Латерниду; все рукава большой спиральной туманности в Андромеде, системы Плезиомаха, Гастроклация, Эвтрему, Сименофоры и Паралбиды; в следующем году я систематически обыскал окрестности всех звезд Саппоны и Меленваги, а также планеты Эритродонию, Арреяоиду, Эодоцию, Артенурию и Строглон со всеми его восемьюдесятью лунами, иногда такими маленькими, что на них едва можно было посадить ракету. На Малой Медведице я

сесть не мог, там как раз был переучет; потом очередь дошла до Цефеид и Арденид; и у меня просто руки опустились, когда я еще раз по ошибке сел на Линденблад. Но я не сдался и, как подобает настоящему исследователю, двинулся дальше. Через три недели я заметил планету, поразительно похожую на памятную мне Сателлину; сердце забилось у меня быстрее, когда я облетал ее по сужающейся спирали, напрасно высматривая космодром. Я уже хотел направиться обратно в бесконечность и тут вдруг заметил, что какая-то малюсенькая фигурка подает мне снизу знаки.

Заглушив двигатель, я быстро спланировал и посадил ракету вблизи группы живописных скал, на которых высилось большое строение из тесаного камня. Навстречу мне бежал полем рослый старец в белой рясе доминиканца. Как оказалось, это был отец Лацимон, руководитель всех миссий, действующих на территории ближайших созвездий в радиусе шестисот световых лет. Эта область насчитывает около пяти миллионов планет, в том числе два миллиона четыреста тысяч обитаемых. Отец Лацимон, узнав о причине, которая привела меня в эти края, выразил сочувствие и одновременно радость по случаю моего прибытия, потому что, как он сказал, я

первый человек, которого он видит за последние семь месяцев.

— Я так привык, — сказал он, — к обычаям меодрацитов, населяющих эту планету, что неоднократно ловил себя на забавной ошибке: когда я хочу внимательно к чему-нибудь прислушаться, то поднимаю вверх руки, совсем как они… (У меодрацитов, как известно, уши находятся под мышками.)

Отец Лацимон оказался очень гостеприимным; мы вместе съели обед, приготовленный из местных продуктов (тухнивые пижульки в трясне, тощистые спичавы, а на десерт мисяны — я давно уже таких не пробовал^, йосле чего вышли на веранду миссии. Лиловое солнце припекало, птеродактили, которых на планете было несметное количество, пели в кустах, и в полуденной тишине дочтенный приор доминиканцев начал поверять мне свои печали — жаловался на трудности, мешающие миссионерской деятельности в этих районах. Так, например, пятиронцы, обитатели горячей Антилены, которые мерзнут уже при шестистах градусах по Цельсию, даже слышать не хотят о рае, зато описания ада пробуждают в них живейший интерес в связи с удобствами (кипящая смола, пламя), которые там

имеются. Кроме того, совершенно неизвестно кто из пятиронцев может принимать священный сан, поскольку у них различается пять полов; это непростая проблема для богословов.

Я выразил свое сочувствие; отец Лацимон пожал плечами.

— Ах, это еще ничего. Бжуты, например, считают воскрешение из мертвых таким же естественным делом, как ежедневное одевание, и никоим образом не хотят признать этого явления чудом. Партриды и эгилии не имеют ни рук, ни ног; они могли бы креститься только хвостом, но я не в состоянии сам решить этого вопроса; жду ответа из апостольской столицы — а Ватикан молчит уже второй год… А разве вы не слышали об ужасной судьбе несчастного отца Орибазия из нашей миссии?

Я отрицательно покачал головой.

— Так послушайте. Уже первооткрыватели Уртамы не могли нарадоваться на ее жителей, могучих мемногов. Распространено убеждение, что эти разумные существа принадлежат к наиболее отзывчивым, добродушным, кротким и альтруистическим созданиям во всем космосе. И, рассчитывая на то, что на такой почве отлично примется зерно веры, мы послали к мемногам от-

ца Орибазия, назначив его епископом in partibus infidelium. Прибывшего на Уртаму отца Орибазия мемноги встретили так, что трудно было желать лучшего; они окружили его материнской заботой, почитали, прислушивались к каждому его слову, угадывали каждое его желание и немедленно исполняли, они просто упивались его проповедями — одним словом, были бесконечно преданы ему. В своих письмах он не мог ими нахвалиться, бедняга…

Тут отец доминиканец смахнул рукавом рясы слезу и продолжал:

— В такой благоприятной атмосфере отец Орибазий не уставал ни днем ни ночью проповедовать догматы веры. Изложив мемногам Ветхий и Новый завет, Апокалипсис и Послания апостолов, он перешел к Житиям святых; особенно много жара он вложил в воспевание мучеников господних. Бедняга… Это всегда было его слабостью…

Превозмогая волнение, отец Лацимон снова заговорил дрожащим голосом:

— Поэтому он рассказывал об Иоанне, который приобщился к лику святых, когда его живьем сварили в масле, о святой Агнессе, которой за веру отрубили голову, о проткнутом многочисленны-

ми стрелами святом Себастьяне, который терпел свирепые пытки, за что в раю его встретили ангельским пением, о святых девах, четвертованных, удушенных, ломанных на колесе и сожженных на медленном огне. Муки эти они принимали с восторгом, понимая, что тем самым приобретают место у десницы господа нашего. Когда он рассказал им множество подобных, достойных подражания житий, мемноги начали переглядываться, а потом один из них спросил робко:

— Преподобный отец наш, проповедник и глубокочтимый наставник, скажи нам, если только ты захочешь снизойти до недостойных слуг твоих, каждая ли душа того, кто готов к мученичеству, попадает на небо?

— Без сомнения, дети мои! — ответил отец Орибазий.

— Да? Это очень хорошо, — протяжно сказал мемног. — А ты, отец наш духовный, желаешь ли попасть на небо?

— Это самая заветная моя мечта, сын мой.

— А святым ты бы хотел стать? — продолжал выспрашивать огромный мемног.

— Сын мой, кто бы не хотел им стать, но где мне, грешному, удостоиться такой высокой чести;

нужно напрячь все силы и неустанно стремиться в величайшем смирении к тому, чтобы вступить на этот путь.

— Значит, ты хотел бы стать святым? — еще раз Переспросил мемног, призывно поглядывая на товарищей, которые привстали со своих мест.

— Конечно, сын мой.

— Ну тогда мы тебе поможем.

— Каким образом, милые мои овечки? — с улыбкой спросил отец Орибазий, ибо радовало его наивное рвение верной паствы.

В ответ на это мемноги деликатно, но крепко взяли его под руки и сказали:

— Таким образом, дорогой отец наш, какому ты нас научил!

Затем они сначала содрали у него кожу со спины и намазали это место смолой, как это сделал ирландский палач со святым Гиацинтом, потом отрубили ему левую ногу, как язычники святому Пафнуцию, затем распороли ему живот и воткнули туда пучок соломы, как это выпало на долю блаженной Елизаветы Нормандской, посадили его на кол, как эмалкиты святого Гуго, поломали ему все ребра, как жители Сиракуз святому Генриху Падуанскому, и не спеша сожгли его на медленном огне, как бургундцы Орлеанскую

деву. Лотом отдышались, умылись и начали проливать горькие слезы над утраченным пастырем. За этим занятием я и застал мемногов, когда, объезжая все звезды епархии, заглянул в их приход. Едва я узнал, что произошло, волосы у меня встали дыбом. Ломая руки, я воскликнул:

— Недостойные злодеи! Всех мук ада не хватит, чтобы наказать вас! Знаете ли вы, что обрекли свои души на вечные муки?

— А как же, — ответили они, рыдая, — знаем!

А самый большой мемног встал и так сказал мне:

— Преподобный отец, мы хорошо знаем, что будем подвергаться мучениям и пыткам до скончания света, и нам пришлось вести страшную внутреннюю борьбу, прежде чем принять это решение, но отец Орибазий неустанно повторял нам, что нет такой вещи, которой бы добрый христианин не сделал для своего ближнего, нужно отдать ему все и на все быть ради него готовым; и мы с отчаянием отказались от спасения души, думая только о том, чтобы дражайший отец Орибазий приобрел мученический венец и святость. Я не могу передать тебе, как трудно нам было решиться на это, ведь до того, как к нам прибыл отец Орибазий, ни один из нас даже мухи не

обидел. Мы снова и снова молили его, на коленях молили дать послабление и смягчить суровость требований веры, но он настойчиво твердил, что для возлюбленного ближнего нужно делать все без исключения. И мы не смогли отказать ему. При этом мы понимаем, что являемся существами незначительными и недостойными по сравнению с сим достопочтенным мужем и что он заслуживает полнейшего самоотречения с нашей стороны. Мы горячо верим, что сделали все правильно и отец Орибазий сейчас в царствии небесном. Вот, высокочтимый отец, кошель с суммой, которую мы собрали на церемонию канонизации, как это требуется, нам отец Орибазий все подробно объяснил. Должен сказать, что мы применили только его излюбленные пытки, о которых он говорил нам с особой страстностью. Мы хотели доставить ему удовольствие, но он сопротивлялся, а особенно не хотел пить кипящий свинец. Но мы и мысли не допустили, что наш пастырь говорил нам одно, а думал другое. Крик же, который он поднял, был только доказательством недовольства низких, телесных частиц его естества, и мы пренебрегли этим, помня, что нужно унижать плоть, чтобы возвеличиться духом. Желая поддержать его, мы напомнили ему

догматы веры, которые он нам проповедовал, на это отец Орибазий ответил только одним словом, совершенно непонятным и невразумительным; мы не знаем, что оно значит, так как не нашли его ни в божественных книгах, ни в священном писании.

Окончив свое повествование, отец Лацимон отер со лба крупные капли пота, и мы долго сидели в молчании, наконец, почтенный доминиканец заговорил снова:

— Ну скажите сами, как быть духовным пастырем в таких условиях?! Или вот такая история! — отец Лацимон ударил рукой по письму, лежащему на столе. — Отец Ипполит сообщает с Арпетузы, небольшой планеты в созвездии Весов, что ее обитатели совершенно перестали вступать в брак, не рожают больше детей и им грозит полное вымирание.

— Почему? — спросил я изумленный.

— Потому что, услышав о греховности телесного общения, они так сильно возжаждали спасения, что все дали обет и сохраняют чистоту! Уже две тысячи лет церковь проповедует превосходство заботы о спасении души над мирскими делами, но никто не воспринимая этого буквально, о господи. Эти арпетузианцы все до одного

ощутили призвание и поголовно вступают в монастыри; они неукоснительно соблюдают уставы, молятся, постятся и умерщвляют плоть, а тем временем разваливается промышленность, земледелие, надвигается голод и гибель грозит всей планете. Я сообщил об этом в Рим, но там, как всегда, молчат…

— Да, это было очень рискованно, — заметил я, — нести веру на другие планеты…

— А что было делать? Церковь не спешит, Ecclesia non festinat, как известно, ибо власть ее не от мира сего, но пока кардинальская коллегия совещалась и колебалась, на планетах, как грибы после дождя, начали вырастать миссии кальвинистов, баптистов, редемптористов, мариавитов, адвентистов и еще бог знает какие! Мы должны были спасать что возможно. Но, дорогой мой, раз уж я это рассказал… Идите за мной…

Отец Лацимон ввел меня в свой кабинет. Одну его стену занимала огромная лазурная карта звездного неба; вся ее правая сторона была заклеена бумагой.

— Видите? — показал он на эту заклеенную часть.

— Что это значит?

— Утрату, дорогой мои. Окончательную утрату.

Эти пространства населяют существа с необыкновенно высоким интеллектом. Они проповедуют материализм, атеизм и рекомендуют сосредоточивать все усилия на развитии промышленности, техники и улучшении условий жизни на планетах. Мы посылали к ним наших лучших миссионеров, отцов салезнианцев, бенедиктинцев, доминиканцев, даже иезуитов, вдохновенных проповедников слова божия, медоустых ораторов; все, все возвращались атеистами!!!

Отец Лацимон нервно подошел к столу.

— Был у нас отец Бонифаций, я помню его как одного из наиболее набожных монахов; дни и ночи проводил он в молитвах, прахом были для него все мирские дела, он не знал иного занятия, кроме чтения молитв, и большей радости, чем месса, а после трех недель пребывания там, — тут отец Лацимон ткнул в заклеенную часть карты, — поступил в политехникум и написал эту книгу! — отец Лацимон поднял и тут же с отвращением бросил на стол солидный том.

Я прочитал название: «О способах увеличения безопасности ракетных полетов».

— Безопасность бренного тела он предпочел спасению души, разве это не ужасно?! Мы посылали тревожные рапорты, и на этот раз

апостольская столица не медлила. С помощью специалистов из американского посольства в Риме Папская академия создала вот этот труд. — Отец Лацимон подошел к большому сундуку и открыл его, сундук был набит толстыми томами in quarto.

— Здесь около двухсот томов, описывающих в мельчайших подробностях методы насилий, террора, внушений, шантажа, принуждений, гипноза, травли, пыток и условных рефлексов, которые они используют для уничтожения веры. У меня волосы поднимались на голове, когда я это просматривал. Там есть фотографии, показания, протоколы, вещественные доказательства, рассказы очевидцев и бог знает что еще. Просто голова кружится — как быстро они все это сделали, что значит американская техника, ведь… действительность гораздо страшнее!

Отец Лацимон подошел ко мне и, обжигая мне ухо своим дыханием, зашептал:

— Я ведь здесь на месте и ориентируюсь лучше… Они не мучают, ни к чему не принуждают, не пытают, не вкручивают в голову винты, они просто учат, что такое Вселенная, как возникла жизнь, как рождается сознание и как применять науку на благо общества. У них есть аргументы, с

помощью которых можно доказать, как дважды два — четыре, что весь мир исключительно материален. Из всех моих миссионеров сохранил веру один только отец Серваций, да и то лишь потому, что он глух как пень и не слышал, что ему говорили!.. Это хуже пыток, дорогой мой! Была у меня молодая монашенка-кармелитка, одухотворенное дитя, преданное только небу; она без конца постилась, умерщвляла плоть, имела стигматы, видения, общалась со святыми, особенно полюбила она святую Меланию и всем сердцем подражала ей; мало того, время от времени ей являлся даже архангел Гавриил… Однажды она отправилась туда, — отец Лацимон показал на правую половину карты. — Я ей спокойно позволил это, поскольку она была убога духом, а таким принадлежит царствие небесное; как только человек начинает думать: а что, а откуда, а как, — сразу же разверзается бездна ереси. Я был уверен, что аргументы этой их мудрости не подействуют на нее. И вот, когда она туда прибыла, при первом же публичном явлении ей святых, соединенном с припадком религиозного экстаза, ее признали невротичкой, или как это еще называется, лечили купаниями, работой в саду, дали ей какие-то игрушки., каких-то кукол;

через четыре месяца она вернулась, но в каком состоянии!

Отец Лацимон задрожал.

— Что с ней случилось? — спросил я сочувственно.

— У нее прекратились видения, она поступила на курсы ракетных пилотов и полетела с научной экспедицией к ядру Галактики, бедное дитя! Недавно я слышал, что ей явилась святая Мелания, и сердце у меня задрожало от радостной надежды, но, как оказалось, ей просто приснилась тетка. Я вам говорю: крушение, разорение, упадок. Эти американские специалисты наивны; присылают мне пять тонн литературы, описывающей свирепость врагов веры. О, если бы они захотели преследовать религию, если бы закрывали церкви, разгоняли верующих, но, увы, ничего подобного, все позволяют: и богослужения, и духовное образование, только распространяют свои взгляды и теории. Некоторое время мы пробовали применять этот метод, — отец Лацимон показал на карту, — но он не дал результатов.

— Простите, какой метод?

— Ну, заклеили ту часть Вселенной бумагой и игнорировали ее существование, но это не помогло. Сейчас в Риме говорят о крестовом походе

в защиту веры.

— А что вы об этом думаете?

— Да, это было бы неплохо; если бы взорвать их планеты, разрушить города, сжечь книги, а их самих перебить до одного, может, и удалось бы спасти учение в любви к ближнему. Но кого привлечет этот поход? Мемногов? Может быть, арпетузианцев? Смешно и страшно!..

Наступило глухое молчание. Охваченный глубоким сочувствием, я положил руку на плечо старого священника, чтобы ободрить его; в этот момент что-то выскользнуло из моего рукава, блеснуло и стукнулось об пел. Как описать мою радость и удивление, когда я узнал свой ножик. Оказалось, все это время он спокойно лежал за подкладкой куртки, куда попал через дыру в кармане!